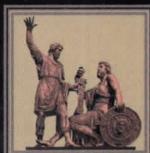

Российская военно-историческая библиотека

Российское
историческое
общество

Российское
военно-историческое
общество

РОССИЯ в Первой мировой войне 1914–1918

Энциклопедия в трех томах

Том 2

С 2014-5 2
67-2

Российский государственный архив
социально-политической истории
Институт российской истории РАН
Издательство «Российская политическая
энциклопедия»

РОССИЯ в Первой мировой войне 1914–1918

энциклопедия в трех томах

Том 2 К–П

Редакционная коллегия:

А. К. Сорокин (ответственный редактор),
кандидат исторических наук

Ф. А. Гайда, доктор исторических наук

А. С. Сенин, доктор исторических наук

О. В. Чистяков, кандидат исторических наук

РОССПЭН
Москва
2014

Пленные австрийки на улицах Петрограда. 1915 г.

После редактирования постановлений Стокгольмской конференции 1915 в соответствии со внесенными правительствами поправками в мае 1916 состоялась вторая Стокгольмская конференция, в которой принимали участие представители России (Арбузов), Германии (Петерсен), Австро-Венгрии (Слатини, Немескер). В результате на этой конференции был выработан протокол от 13.5.1916, заключающий в себе окончательную редакцию постановлений о военнопленных России и Центральными державами. Изменения касались деятельности смешанных комиссий, работа которых тщательно регламентировалась. Представители комиссий могли теперь попасть в места содержания пленных лишь с разрешения местных военных властей. Найдя нарушения условий содержания, комиссия не имела права требовать их изменения — лишь подать жалобу в соответствующую инстанцию. Но в то же время комиссия могла требовать полной информации о внутренней жизни лагеря, делать фотографические снимки и подробные описания. Правительства обязывались увеличить число цензоров для скорейшей пересылки почты военнопленных. Почту офицеров предполагалось ограничить лишь цензурой комендатуры лагеря.

Протокол от 13.5.1916 представлял собой окончательную редакцию решений Стокгольмских конференций 1915–16. Осенью 1916 постановления, ратифицированные правительствами представленных на конференции стран, приобрели значение специальной конвенции между Россией и Центральными державами. Однако после ратификации проводились в жизнь лишь некоторые постановления, касающиеся условий содержания пленных. Исполнение решений Стокгольмских конференций в полном объеме нечем было гарантировать, и надзор за соблюдением соглашений не мог быть осуществлен. В постановлениях Стокгольмских конференций мы видим попытку укрепления и развития прежних международно-правовых соглашений по вопросам военнопленных. Эти постановления во многом исходили из положений Гагской конвенции 1907, но, в отличие от нее, имели тенденцию к детализации отдельных международно-правовых норм, т. к. уже первый год войны показал, что «даже такие детали, как наличие одежды или мешков с соломой, имеют весьма существенное значение для здоровья и жизни многих тысяч военнопленных».

Содержание и охрана военнопленных отвлекали немалые финансовые, людские и продовольственные ресурсы. Если здоровых военнопленных еще можно было использовать на работах и в определенной степени компенсировать затраты на их содержание, то лечение инвалидов, раненых и тяжелобольных представлялось обременительным для воюющих государств. Ранее других стран заинтересованность в обмене

искалеченными и неизлечимо больными пленными проявила Германия. Обмен между Россией и Центральными державами происходил при посредничестве нейтральной Швеции. Позднее датский Красный Крест по просьбе правительства Австро-Венгрии поставил вопрос о заключении соглашения с Россией о взаимном интернировании больных военнопленных в Дании, в подобном соглашении была заинтересована и Германия. Ватикан в обращении к русскому правительству предложил русских пленных из Германии и Австро-Венгрии разместить в Швейцарии, а германо-австрийских пленных перевезти для интернирования из России в Швецию и Данию. Однако Военное министерство и Генеральный штаб Российской империи считали неприемлемым размещение большого числа неприятельских пленных на территории Швейцарии и Дании. В качестве альтернативы военный министр Д. С. Шуваев предложил Норвегию. Правила пребывания русских в Норвегии окончательно согласовывались с российским правительством в течение февраля—марта 1917. К сожалению, у Временного правительства возникли проблемы с ежемесячной оплатой расходов на содержание интернированных русских военнопленных, и осенью 1917 началась эвакуация пленных из Норвегии в Россию, которая завершилась уже после свержения Временного правительства, с началом мирных переговоров между Советской Россией и Германией в 1918.

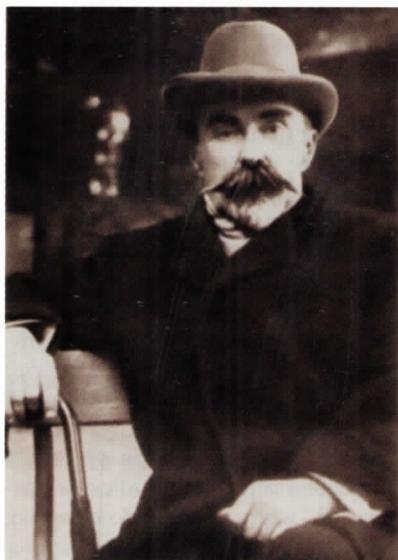
Возвращение на родину основной массы военнопленных стран Центрального блока и России началось в марте 1918 после подписания в Брест-Литовске мирного договора. Ст. 8 договора гласила, что военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину. Скорейшему обмену военнопленных между Россией и Австро-Венгрией препятствовали недостаток транспорта и разгоравшаяся на территории Украины гражданская война. К тому же Германия отказывалась предоставлять транспортные средства для перевозки пленных через ее территорию. Последующие революционные события в Германии и Австро-Венгрии, военные действия в западных областях России прервали переговоры и эвакуацию военнопленных. Лагеря были закрыты, пленные сняты с довольствия, и началось стихийное, бесконтрольное возвращение русских военнопленных в Советскую Россию, завершившееся в середине 1922. Отправка пленных с территории СССР продолжалась еще в 1924.

Источники: Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1915.

Лит.: Жданов Н. М. Обзор материалов Первой Стокгольмской конференции 1915 г. [Б. м., б. г.]; Косвен М. О. Военнопленные. Очерки по международному и военному праву. Пг., 1915; Альбат Г. П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М., 1917; Киреева Ю. В. Условия содержания немецких и австро-венгерских военнопленных на территории Туркестанского военного округа (1914–1917 гг.) // Доклады Академии военных наук. Военная история. № 5(23). Саратов, 2006. С. 198–204; Нагорная О. С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны на территории Германии (1914–1922). М., 2010; Телыцын В. Л. Возвращение домой: К истории русских военнопленных Первой мировой. М., 2011; Минаева Т. В. Использование труда русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в годы первой мировой войны. Тамбов, 2013; Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). М., 2014.

Ю. В. Киреева.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (29.11.1856, д. Гудаловка Липецкого уезда Тамбовской губ. — 30.5.1918, Питкяряви, Финляндия), теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения. Из мелкопоместной дворянской русской семьи. Получил в молодости среднее военное незакончен-

ПЛЕХАНОВ
Георгий
Валентинович.

ное высшее техническое образование и на протяжении всей жизни постоянно занимался самообразованием в различных областях гуманитарного знания, прежде всего философии. С середины 1870-х гг. исповедовал народнические взгляды и вел революционную пропаганду среди рабочих. С 1880 в течение 37 лет находился в эмиграции в Западной Европе, в основном в Швейцарии. Перешел там на позиции ортодоксального марксизма (группа «Освобождение труда» и с 1898 Российская социал-демократическая рабочая партия). Участвовал в международном социалистическом движении. В РСДРП был одним из ведущих теоретиков и публицистов, занимая по многим вопросам «особую» личную позицию. К началу 1-й мировой войны не примыкал ни к большевизму, ни к меньшевизму, находясь на позициях более близких к последнему и оставаясь идейным противником Ленина.

В июле 1914 под влиянием представлений об экономической и военной мощи Германии и прямой угрозы национальной независимости России стал ярким «оборонцем» и сторонником победы русской армии. В этой обстановке новая революция на родине стала казаться П. неким «грезофарсом» (по выражению поэта И. Северянина), и он надолго о ней замолчал. Лишь через год, после крупных военных неудач России на фронте, П. вернулся к вопросу о возможности подготовки там новой революции ради достижения победы над врагом, которую уже не мог обеспечить царизм. В сентябре 1915 вместе с группой оборончески настроенных эмигрантов из числа социал-демократов и эсеров провел совещание в Лозанне, написал воззвание «К сознательному трудящемуся населению России» и договорился о своем участии в новой русскоязычной парижской газете «Призыв» социал-патриотической ориентации. В ней П. опубликовал до 1917 несколько статей, включая «Две линии» к 10-летию царского манифеста 17.10.1905. Доказывал, что развитие революции по «восходящей» линии (с образованием сначала либерального и лишь затем социалистического правительства) целесообразнее варианта, когда события будут развиваться по «нисходящей» линии — от социалистического правительства к либеральному. Тем самым П. явно солидаризировался с программой умеренно оппозиционного думского *Прогрессивного блока* (1915), с идеями и тактикой партии кадетов и ее вождя П. Н. Милюкова. Не удивительно, что Ленин в который раз назвал взгляды П. оппортунистическими, причем в России успеха они не имели. Революционность П. в то время была скорее чисто декларативной, т. к. он советовал рабочим

даже бастовать с большой осторожностью, чтобы не повредить делу обороны страны. Свое основное время П. посвящал в 1915–16 работе над «Историей русской общественной мысли», которая осложнялась плохим состоянием здоровья и трудностями с получением необходимых источников. В итоге в 1914–17 увидели свет лишь 3 из запланированных 7 томов этого грандиозного издания, изложение материала было доведено лишь до конца 18 в. Закончил П. в 1916 и издание своего неперидического органа «Дневник социал-демократа» (выходил с 1905), раскритиковав под занавес взгляды руководителя меньшевистской фракции *Государственной думы* Н. С. Чхеидзе и его лозунг мира без аннексий и контрибуций, т. к. помимо своей утопичности он мешал делу обороны России от врага. После *Февральской революции* 1917, которую тяжело больной туберкулезом П. встретил в санатории в итальянском городе Сан-Ремо, он через Париж, Лондон, потом морем и через Скандинавию добрался 31 марта до Петрограда. Революционный долг и предчувствие близкой кончины помогли старому русскому марксисту добраться до родины. В столице к его приезду оформилась небольшая социал-демократическая группа центристского направления «Единство», решившая действовать под идейным руководством П. и выпускать одноименную газету, где он в 1917 регулярно печатал статьи социал-оборонческого характера. Выступал за доведение войны при возникшем тогда в России *Временном правительстве* до победного конца, призывал к единению всех патриотических сил страны. Всякие разговоры о возможности превращения демократической революции в социалистическую считал «бредом», поскольку стране предстояло еще длительное развитие по капиталистическому пути. Разделял версию о тайных контактах вождя большевиков Ленина с Германией, отрицая, однако, какие-либо его корыстные личные интересы. Возвратившийся на родину П. получал много приветствий от рабочих, солдат, студентов, интеллигенции, но принимать активное участие в бурной политической жизни новой, демократической, России по состоянию здоровья уже не мог. Его навещали генерал М. В. *Алексеев*, адмирал А. В. *Колчак*, бывший председатель 4-й Госдумы М. В. *Родзянко* и др. П. трижды планировали сделать министром труда или министром торговли и промышленности, но эти назначения не состоялись из-за сопротивления *Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов* и состояния здоровья П. Дело ограничилось лишь его избранием рядовым членом Петросовета и назначением председателем комиссии по улучшению материального положения рабочих-железнодорожников. Главным его занятием стало редактирование газеты «Единство» и подготовка более 120 собственных заметок и статей, составивших изданный в 1918 двухтомник «Год на родине». В этих работах патриот и государственный П., поддерживавший Временное правительство, неизменно брал верх над П. революционером и социалистом в их марксистском понимании. П. поддерживал июньское контрнаступление русской армии под руководством А. Ф. *Керенского*, выступал на августовском Государственном совещании в Москве, призывая любой ценой избежать гражданской войны в России. Сепаратный мир с Германией называл «низостью», а Октябрьский переворот решительно осудил, но от открытой борьбы с ними отказался. 31 октября подвергся на своей квартире в Царском Селе грубому и унижительному обыску, который провели красногвардейцы, солдаты и матросы, что имело негативный для новой власти общественный резонанс.

Осудил П. и роспуск большевиками *Учредительной собрания* (январь 1918), и заключение ими сепаратного

Брестского мира (см. *Брестский мир 1918*) с Германией и ее союзниками (март 1918). В январе 1918 П. покинул Петроград. Умер в санатории в Финляндии. Похоронен на Волковом кладбище (С.-Петербург). Распространявшееся в СМИ на рубеже 20–21 вв. «Завещание» П. признано большинством ученых апокрифом, хотя до сих пор остаются те, кто верит в подлинность этого документа.

Соч.: Год на родине. Т. 1–2. Париж, 1921.

Лит.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997; Бэрон С. Х. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма / Пер. с англ. М., 1998; Орлов Б. С. Г. В. Плеханов и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

С. В. Тютюкин.

ПОВОЛЖЬЕ, устоявшееся название территории, связанное с природно-географическими, экономическими и культурными характеристиками. Традиционно Поволжье делилось на Верхнее (Владимирская, Костромская, Ярославская, Нижегородская губернии), Среднее [Казанская, Симбирская (ныне Ульяновская) и Самарская губернии], Нижнее (Саратовская и Астраханская губернии). В годы 1-й мировой войны П. являлось тыловым регионом. На 1.1.1914 на его территории проживало 20534,9 тыс. чел. Самой крупной по численности была Самарская губ. (3800,8 тыс. чел.), самой малочисленной – Ярославская губ. (1297,7 тыс. чел.). Основная масса населения проживала в сельской местности (91 %). Наиболее урбанизированной была Саратовская губ., в городах которой проживало более 500 тыс. чел., а доля городского населения составляла 15,8 %. Саратов был и самым крупным городом региона (228,5 тыс. чел.).

За годы 1-й мировой войны демографическая ситуация в регионе претерпела значительные изменения. Прежде всего изменился баланс между мужским и женским населением. Накануне войны он был благоприятным: 49,1 % составляли мужчины, 50,9 % – женщины. Перепись населения страны 1920 показала иное соотношение полов – 45 % мужского и 55 % женского населения (необходимо учитывать негативное влияние не только 1-й мировой, но и гражданской войны). Однако, несмотря на мобилизацию мужчин, общая численность населения в годы войны не уменьшилась, а несколько выросла. За первые три года войны она увеличилась более чем на 1 млн чел. Это происходило за счет военнопленных, эвакуированных, беженцев, военнопленных. В основном росла численность городского населения (на 17,2 %), в то время как сельское население увеличилась на 6,1 %.

Социальный состав населения П. был типичен для Европейской части Российской империи. Большинство населения составляли крестьяне (в разных губерниях от 87 % до 93 %). В городах значительную долю населения также составляли крестьяне и мещане – на их долю приходилось более 70 % городского населения. Третьей по численности группой были военнопленные – более 10 %. Около 10 % населения приходилось на дворян, духовенство купцов, колонистов, разночинцев. Официальная статистика, учитывающая сословную принадлежность, не зафиксировала серьезных изменений социального состава за годы войны, хотя, безусловно, они были, что, вероятнее всего, следует связывать с развитием военной экономики.

Национальный состав населения был разнообразным. В П. проживали русские, татары, немцы, украинцы, белорусы, мордва, чуваша, удмурты, калмыки, евреи, поляки и представители др. национальностей. Также разнообразна была и конфессиональная принадлежность населения. Основная масса являлись православными. При этом весьма

представительными были группы старообрядчества, мусульманства, протестантизма.

П. являлось типичным аграрным районом. В экономике преобладал аграрный сектор, а промышленное производство было представлено мелкими и средними предприятиями легкой и пищевой промышленности. В губерниях Верхнего П. преобладала текстильная и пищевая промышленность, Среднего и Нижнего П. – мукомольная, текстильная и пищевая. В регионе работали крупнейшие в стране Ярославская большая мануфактура, Товарищество большой Костромской мануфактуры, Румянцевская, Гурьевская, Языковская суконные фабрики (Симбирская губ.), суконные предприятия Алафузовых (Казанская губ.), поставлявшие обмундирование для армии. На текстильных предприятиях Костромской губ. вырабатывалось 40 % тканей, производившихся в стране. Ярославская губ. считалась центром табачной промышленности, Астраханская – рыбной. Вместе с тем в регионе к началу 20 в. получили развитие такие отрасли тяжелой промышленности, как металлообработка, машиностроение, судостроение, сельскохозяйственное машиностроение. Важную роль в экономике региона играли машиностроительный завод и завод О. Э. Берга (Саратовская губ.), Бондложский и Кокшайский химические заводы (Казанская губ.). Астраханский торговый порт по объему грузоперевозок вышел на второе место в стране.

Наиболее развитой в промышленном отношении была Нижегородская губ. В 1912 на ее территории работали 600 заводов и фабрик. Металлургические заводы губернии производили сталь, сортовой и листовой прокат, рельсы, рессоры, котельное железо. Выксунский и Кулебакский заводы обеспечивали чугуном и сталью заводы региона. Крупнейшим предприятием России оставался Сормовский завод, уступавший по объему производства только Путиловскому заводу в С.-Петербурге. В 1912 доля промышленного производства П. в общем объеме совокупного промышленного продукта Российской империи составляла 4 %.

В начале 20 в. в регионе появились первые предприятия военно-промышленного комплекса: Трубочный завод, производивший взрывчатые трубки для снарядов (г. Самара), Сергиевский завод взрывчатых веществ (Самарская губ.), Казанский пороховой завод. Это были крупные промышленные предприятия, игравшие ведущую роль в обеспечении российской армии.

Доля рабочих в составе населения поволжских губерний официальной статистикой не фиксировалась, а имеющиеся статистические данные неполны. Однако можно отметить, что удельный вес рабочих накануне 1-й мировой войны был незначителен. Так, в наиболее развитых в промышленном отношении Нижегородской и Саратовской губерниях на 1.1.1914 рабочие составляли 3,9 % и 3,2 % городского населения соответственно.

Начавшаяся война изменила ситуацию в промышленности. Резко увеличился объем производства на заводах военной промышленности. Начался перевод производства действующих предприятий на военную продукцию. Он происходил невысокими темпами и завершился только к середине 1915. К этому времени милитаризация охватила подавляющее большинство промышленных предприятий региона. Особенно высокий уровень был отмечен в Нижегородской губ., где, по данным Нижегородского городского совещания, численность работавших на оборону к концу 1916 составила 80,8 % всех работников губернии. Это был один из самых высоких показателей в стране. На производство военной продукции переклонились и текстильные предприятия региона. *Особое совещание по обороне государства* отмечало, что к 1917 на оборону работало 93,6 % текстильщиков Костромской, 82,2 %